

— Жена, я знаю, что ты не со зла, — мягко произнесла Вэнь Сяньцю. В комнате не зажигали свечей, царил такой мрак, что Цзи Шунуань не могла разглядеть её истинного выражения лица.

— Мм, раз знаешь, тем более. Кстати, давай завтра спозаранку отсюда уедем, жить на постоянных дворах всё же не слишком удобно. Послушай, если тебе захочется навестить их в будущем, просто позови меня с собой. Со мной рядом никто и пикнуть не смеет, я посмотрю, кто ещё осмелится тебя обидеть.

Вспомнив сегодняшнее происшествие, Цзи Шунуань всё ещё испытывала неприятный осадок. С точки зрения стороннего наблюдателя, она напрочь отказывалась понимать образ мыслей отца и матери Вэнь. Вэнь Сяньцю была их младшей дочерью, к тому же единственным вэньюанем на всю семью. Разве не следовало холить и лелеять такого ребёнка? Как они могли выказывать к ней полное равнодушие лишь потому, что та была вынуждена выйти замуж за прежнюю хозяйку тела? Оставалось лишь развести руками: логика древних людей ей была недоступна, либо же родители Вэнь страдали клиническим маразмом.

Говоря это со всей искренностью, Цзи Шунуань не заметила, как по окончании её слов тело Вэнь Сяньцю на мгновение напряглось, а затем вновь расслабилось. Внезапно её руку обхватили чужие пальцы, которые тут же нежно сжали её ладонь и разомкнулись. Эта мимолётная ласка заставила Цзи Шунуань обернуться, но в крошечной тьме она не разглядела ничего, кроме сплошной черноты.

— Жена, я так и сделаю, спасибо, что решила помочь мне.

Голос Вэнь Сяньцю стал ещё более мягким, словно её и впрямь тронули эти слова. Припомнив, как та только что дотронулась до неё и тут же отстранилась, Цзи Шунуань вдруг ощутила странную неловкость. По правде говоря, было в этом нечто необъяснимое: стоило ей только оказаться в этом мире, как прежняя хозяйка тела и Вэнь Сяньцю уже состояли в браке. При этом Цзи Шунуань ни разу не заметила у Вэнь Сяньцю ни малейшего признака недовольства. Та вела себя точь-в-точь как большинство замужних женщин древности, ставя свою жену превыше всего — сущий образец кротости и благоразумия.

И всё же, почему Вэнь Сяньцю согласилась выйти за неё, учитывая столь дурную славу прежней владелицы тела? Если в прошлой жизни репутация была безнадежно испорчена и замуж выдали насильно, то в этой самой жизни Вэнь Сяньцю вышла за неё после бесконечных преследований и домогательств, да и после свадьбы не выказывала ни отвращения, ни сопротивления. Неужели Вэнь Сяньцю питала слабость к этой никчемной мерзавке? Едва ли такое возможно, верно?

Цзи Шунуань со всей серьезностью обдумывала эту вероятность. Если подумать, лишь сейчас до неё дошло полное осознание того, что они с Вэнь Сяньцю действительно женаты. Она никак не ожидала, что в её жизни первый брак и деление постели с кем-либо придется на женщину. Номинально они с Вэнь Сяньцю уже муж и жена... точнее, супруги. Что же делать, если в один прекрасный день Вэнь Сяньцю вздумает исполнить супружеский долг? В этом мире, кажется, даже существовало нечто вроде периода течки?

Но ведь она — чистокровная натуралка! Пусть в её распоряжении теперь и имелось кое-лишнее имущество, в душе она неизменно предпочитала мужчин и уж точно не собиралась

заходить с Вэнь Сяньцю так далеко. Необоснованная паника охватила Цзи Шунуань, погрузив её мысли в полный хаос. Ей вдруг до жути захотелось узнать, что же творится в голове у Вэнь Сяньцю. Иначе говоря, с какой стати та вообще согласилась выйти за прежнюю хозяйку тела?

— Я вовсе не собиралась тебе помогать, просто терпеть не могу, когда наглые сопляки мелют языком всё подряд, так что не надумывай лишнего. И вообще... Вэнь Сяньцю, почему ты всё-таки вышла за меня? Я к тому веду... ты же знаешь, что болтают обо мне в городе, почему ты всё равно согласилась на этот брак?

Цзи Шунуань покривила душой, а затем резко сменила тему. Она понимала, что подобный вопрос звучит крайне странно, но её снекало любопытство: почему столь чудесный вэньюань, как Вэнь Сяньцю, добровольно связала судьбу с этой отъявленной негодяйкой?

В ответ на её расспросы Вэнь Сяньцю не спешила с ответом. Вместо этого она аккуратно подоткнула одеяло с обеих сторон и повернулась на бок, оказавшись спиной к Цзи Шунуань.

— Жена, выбрось из головы всю эту чепуху. Поздно уже, пора спать.

— Мда уж.

Не добившись ответа, Цзи Шунуань не стала докучать расспросами. Она повернулась лицом к стене и по привычке вжалась в неё как можно сильнее. В этот самый момент лунный свет неожиданно стал ярче, залив комнату куда более отчетливым сиянием, чем прежде. Во тьме Вэнь Сяньцю вдруг тихонько усмехнулась. Эта улыбка не достигала её глаз, напоминая столкновение двух противоположных стихий: при том, что во взгляде таилась лютая, всепоглощающая ненависть, уголки её приподнятых губ изгибались в жутковатой, искривленной улыбке.

— Жена, очень скоро ты всё узнаешь.

«Как же тепло», — подумала Цзи Шунуань, устроившись в кресле-качалке в саду. Зажав в ладонях чашку с горячим чаем, она сладко потянулась и издала тихий вздох. Ей казалось неслучайным присутствие слога «тепло» в её собственном имени: Цзи Шунуань с детства терпеть не могла холода, предпочитая ему зной, а лето любила куда больше зимы. Времена года в Шачэн сменялись строго по расписанию, и границы между весной, летом, осенью и зимой были очерчены предельно чётко. Сейчас как раз стоял конец лета, и погода стояла самая благодатная — ни холодно, ни жарко.

Сидя босиком и мелкими глоточками потягивая горячий чай, Цзи Шунуань подставляла ступни ласковым лучам солнца, ощущая такую истому, что едва не засыпала снова. Если бы не Сяо Цуй, принёсшая завтрак, она бы наверняка завалилась досыпать.

— Госпожа, пора завтракать.

Появившись на пороге с подносом в руках, Сяо Цуй застала Цзи Шунуань в её излюбленной расслабленной и умиротворённой идиллии. Если прикинуть, в доме семьи Цзи она жила уже добрых полмесяца и успела неплохо сблизиться с хозяйкой. Сяо Цуй обнаружила, что Цзи Шунуань разительно отличается от того, что о ней болтали за стенами усадьбы. У неё был на

редкость лёгкий нрав: пусть она порой и отпускала странные причудливые капризы да проявляла излишнюю разборчивость в еде, но в ней не было и следа той кровожадной деспотичности, какую ей приписывали завистники.

Стоя рядом с креслом, Сяо Цуй смотрела на залитое солнцем лицо хозяйки, казавшееся почти ослепительно-белым. Распущенные длинные волосы, лёгкая улыбка на губах, небрежно накинутое желтовато-гусиное платье, приоткрывающее плечи и изящную линию ключиц. Полуприкрытые глаза придавали Цзи Шунуань ещё больше ленивой грации. Заметив появление служанки, та даже не шелохнулась, продолжая вальяжно покачиваться в шезлонге. Наблюдая эту картину, Сяо Цуй, вполне предсказуемо, вновь замерла в оцепенении. Попав в семью Цзи, она поняла, что больше всего её мировоззрение перевернула именно стоящая перед ней Цзи Шунуань. И её характер, и внешность — всё шло вразрез с городскими сплетнями. Цзи Шунуань была самым красивым лордом Тяньюань из всех, кого ей доводилось встречать, и притом — самым непохожим на представителя Тяньюань человеком.

Запрокинув голову, чтобы сделать глоток чая, хозяйка обнажила изящную фарфоровую шею, выглядывавшую из воротника платья. Видимо, от покачивания кресла во время питья, крошечная капелька сорвалась с уголка её губ и покатилась вниз по горлу, ярко сияя в лучах света. Сяо Цуй невольно сглотнула подступившую слюну. Ей вдруг подумалось, что даже знаменитые первые красавицы лупанаров едва ли смогли бы сравниться с тем соблазнительным зрелищем, что являла собой Цзи Шунуань в этот миг. Неужели она раскрыла тайну, о которой никто вокруг и не догадывался? Неужели Цзи Шунуань на самом деле вэньюань?

— Сяо Цуй, где Вэнь Сяньцю?

Совершенно не смущаясь, Цзи Шунуань смахнула тыльной стороной ладони капли с шеи. Бросив взгляд на расставленные на столике креветковые пельмени, паровые булочки и лёгкую рисовую кашу, она поинтересовалась местонахождением супруги.

— Молодая госпожа с раннего утра отправилась в лавки, а перед уходом наказала мне непременно проследить, чтобы вы вовремя позавтракали, — честно отрапортовала Сяо Цуй, услышав вопрос.

Про себя она искренне удивлялась: почему это Цзи Шунуань вечно зовет Вэнь Сяньцю полным именем и фамилией? Впрочем, лезть в чужие супружеские взаимоотношения служанке не полагалось по чину.

<http://bllate.org/book/24913/2948087>